

Все началось в пятницу вечером в начале марта.

Макс услышал, как она вошла в дом, как хлопнула входная дверь, прислоненная к дальней стене, и вздрогнул. У его матери была манера давать людям знать, когда у нее был плохой рабочий день, и, судя по звукам, этот был одним из худших.

Нелегко иметь мать, которая была гением, особенно когда она ожидала, что ты будешь соответствовать ее репутации. Но Макс был достаточно умен, чтобы понять, что его способности не сочетаются с ее. Вероника Мелтон была блестящим ученым, и когда ее голос поднялся с первого этажа в его спальню на втором уровне дома, он вспомнил, что она также свободно говорит на четырех разных языках.

Черт, он не только не понимал, что она говорит, но даже не мог определить, на каком языке она ругается. Это был русский? Или польский?

"Привет, мама", - сказал он, выходя из своей спальни и глядя на лестницу, которая выходила в переднюю комнату. "Плохой день?"

"Вот идиоты", - поклялась она, расхаживая взад-вперед по гостиной, ее юбка закручивалась вокруг колен, бутылка вина была зажата в одной руке, словно она намеревалась забить ею кому-то мозги. "Эти недалёковидные болваны! Эти жалкие лизоблюды! Эти бессердечные, трусливые, невежественные орудия!"

Макс присвистнул про себя. "Невежественный" - это был самый мерзкий эпитет, который его мать могла бросить в адрес кого-либо. По ее мнению, человек не мог не быть глупым. Интеллект - это всего лишь бросок генетического кубика, и иногда он выпадал со змеиными глазами, что означало, что ты всю жизнь проработал на фабрике собачьего корма или что-то в этом роде.

Но быть невеждой - это совсем другое. Это заставило ее губы скривиться в издевательской усмешке, а в голосе зазвенела кислота. Если глупость была случайным жребием в игре в покер, то невежество было величайшим грехом из всех. Оно означало, что у тебя была возможность учиться, но ты решил этого не делать.

Ничто, а он знал, что ничто, не могло вызвать гнев Вероники Мелтон быстрее, чем невежество. По ее мнению, практически у каждого человека была способность учиться, а неспособность к этому означала, что у тебя нет моральных устоев и, возможно, других неприятных привычек.

"Хорошо, мама", - сказал он, растягивая слова, что заставило ее подозрительно прищуриться. "Я дам тебе бонусные очки за использование слова "лизоблюд". Уже не так много людей тратят время на действительно хорошие оскорбления". Он спустился по лестнице. "Не хочешь рассказать мне, что тебя так разозлило?"

Она поморщилась от его выражения, но не стала его расстраивать. С тех пор, как ему

исполнилось восемнадцать, его мать придерживалась мнения, что он может ругаться, если хочет, если только не переходит на грубость.

"Они пытаются отменить мой проект. Новый препарат".

"Хорошо." Он нахмурил брови. "Какой?"

Она фыркнула, проходя на кухню, подол ее куртки развеялся вокруг бедер. Несмотря на то, что сегодня была пятница, она не выбрала повседневный образ, когда шла в свой офис в "Биодайн". Она была одета в ту же одежду, которую носила почти каждый день: разумная черная юбка или брюки, белая рубашка на пуговицах и черный пиджак, плотно прилегающий к телу.

Макс как-то спросил ее, почему она никогда не носит более "девчачью" одежду. Не то чтобы главный исследователь "Биодайна" должна была носить бикини или что-то в этом роде, но даже цветная юбка и блузка были бы приятным изменением, подумал он.

"Макс, - сказала она с усталой улыбкой на лице, - половина руководителей, где я работаю, до сих пор не могут взять в толк, что человек может быть ученым и женщиной, не говоря уже о руководителе отдела исследований и разработок. Они смотрят на меня так, будто однажды я сорву маску, как в конце мультфильма про Скуби-Ду, и узнаю, что все это время я была мужчиной. Если я начну носить повседневную одежду, особенно ту, что призвана придать мне привлекательный вид, начнутся перешептывания. Что я пытаюсь проспать свой путь по корпоративной лестнице". Она отбросила свои медово-русые волосы, которые передала его старшей сестре, но, к сожалению, не себе. "Да пошли они. Если за то, чтобы принести пользу этому миру, нужно одеваться как бесполой фембот, то я с радостью соглашусь".

"Это то, над чем я работала с Министерством юстиции", - уточнила она.

Он готовился к тесту по тригонометрии, и ему потребовалось некоторое время, чтобы подобрать правильное название. "Ментотал?"

Она протянула к нему руку. Как всегда, ее пальцы были чистыми, ногти аккуратно подстрижены - результат того, что она проводила в лаборатории значительную часть каждого рабочего дня. "Пока маркетологи не придумают что-нибудь получше, да, это он". Она поставила бутылку вина на мраморную стойку и стала рыться в ящике в поисках штопора. Не спрашивая, он нашел его и протянул ей. "Спасибо, дорогая.

"В общем, мы в самом разгаре клинических испытаний. И тут сегодня вваливается этот гребаный осел из ди-о-о-джея и начинает болтать о том, что есть всевозможные этические соображения, которые мы не принимаем во внимание."

"О?" Макс достала винный бокал с верхнего стеллажа, откупорила пробку, плеснула в него щедрую порцию красного вина и сделала длинный глоток, ее глаза закрылись от удовольствия.

"Ну и как это работает?"

"Ну..." она колебалась, зная, что его интерес к биологии, химии и фармакологии был в лучшем случае академическим. "Ментотал действует двумя способами. "Во-первых, он растворяет эго. Но только на время", - поспешила добавить она. "И еще, он отнимает некоторые высшие рассудочные функции, особенно те, которые в основном связаны с... ох, я не знаю... назовем это способностью оценивать последствия действий, которые вы совершаете, находясь под его влиянием".

"Что? Так это делает людей идиотами?"

"О, нет. Вовсе нет." Она наклонилась вперед, захваченная, как всегда, когда речь шла о ее работе, очарованием того, чего может достичь химия. "На интеллект это не влияет. Но такие вещи, как способность лгать и сдержанность человека, значительно ухудшаются. Если субъект получил дозу ментотала, ему или ей очень трудно придумать правдоподобную ложь или предвидеть возможные последствия своих действий".

"Итак, - сказал он, пытаясь сложить кусочки воедино, - если я принял дозу ментотала, был со своей девушкой в торговом центре, и она спросила, "не полнят ли эти джинсы мою попу..." "

Его мать усмехнулась. "Если бы из-за них ее попа выглядела толстой, ты бы так и сказал. Потому что ты потерял способность лгать, а еще ты не понимаешь, что если скажешь Гвен, что джинсы выглядят так, будто она насыпала десять фунтов цемента в пятифунтовый мешок, то, скорее всего, получишь хорошую пощечину прямо по лицу. Как я уже сказал, последствия и последствия".

"И как долго действует доза?" - спросил он. "Называйте меня Мистер Глупый, но последнее, что нам нужно, это кучка людей, которые потеряли способность вежливо лгать друг другу. Я просто могу себе это представить - парень приходит на работу и говорит: "Как дела, Хэнк?", а другой парень отвечает: "Ты уродлив, я тебя ненавижу, и я спал с твоей женой в прошлом месяце"".

Она засмеялась. "Да. Это было бы проблемой. Но это только на короткое время. Максимум два-четыре часа на одну дозу. Мы хотим использовать его для полицейских допросов и тому подобных вещей".

"Но, - она издала звук отвращения, - похоже, что некоторые люди, защищающие гражданские права, пронюхали об этом, и у них поджались штаны. Этот парень из "Юстиции" шумел, что это противоречит праву человека не быть вынужденным свидетельствовать против себя, и его праву хранить молчание, и все такое прочее дерьмо".

Макс сдержал ухмылку. Возможно, они с матерью и живут сейчас в большом городе. Но когда все было сказано и сделано, Вероника была девушкой из маленького городка, которую воспитали бунтари, республиканцы, соблюдающие закон и порядок. Его дед, например, наверное, сошел бы в могилу, настаивая на том, что Никсона подставили. А его мать

ненавидела все, что мешало ее работе. Если сложить эти два фактора вместе, то у нее не было терпения на такие организации, как ACLU, и на правительственные постановления.

"Я не знаю, мам". Он достал из холодильника диетическую содовую. "Пятая поправка довольно ясна. Если кого-то нельзя заставить быть свидетелем против самого себя, то заставлять его принимать лекарство, которое может привести к самоговору, - это уже перебор".

"Он так и сказал. Парень из юстиции. Что даже если мы пройдем клинические испытания, ни одно полицейское управление никогда не будет использовать этот препарат, потому что они будут до смерти напуганы судебными исками. И потому что любые обвинительные приговоры, которые мы получим, все равно будут отменены".

Она прошла в гостиную и села на диван, сняв туфли на каблуках. Они со слабым стуком упали на деревянный пол. "Черт." Она подняла на него глаза. "Я ненавижу, когда все становится политическим. Мой сын, будущий адвокат. Почему ты не можешь хотя бы притвориться, что ты на моей стороне?"

"Я еще даже не поступил в колледж, мама". Макс прислонился к дверной раме. "Это будет только в августе. Я еще даже не окончил среднюю школу. Отсюда до экзамена на адвоката очень далеко. Кто знает. Ко второму курсу я могу решить, что на самом деле хочу заниматься ландшафтной архитектурой и проектировать поля для гольфа".

"Ты просто пытаешься превратить меня в банкрота. Сколько лет колледжа и юридической школы я должен оплачивать? Шесть? Восемь?"

Он мягко фыркнул. Его семья не была богатой, как у Уоррена Баффета, но его мать зарабатывала больше денег, чем они могли легко потратить. С учетом ее зарплаты и опционов на акции, а также денег, которые она заработала на некоторых патентах на лекарства, которые она помогала разрабатывать, потребовалась бы пара Кардашьян, чтобы сжечь все, что она приносила домой.

Еще одна причина, по которой отец бросил их, подумал он с гримасой. Он ушел, когда Линде было шестнадцать, а Макс учился в средней школе. Из того, что его мать рассказала им за последние несколько лет, было очевидно, что он не мог справиться с женщиной, которая была умнее его, успешнее и за два месяца зарабатывала больше, чем он за год. Его это не могло с этим справиться, и он тратил половину своего времени на серию интрижек, которые в конце концов довели ее до такого состояния, что она потребовала, чтобы он либо исправился, либо ушел. Он ушел, оставив ее одну с двумя детьми-подростками. В наши дни Макс повезло получить от него открытку на день рождения.

"Точно", - ответил он наконец. Он оглядел дом. "Очевидно, что мы здесь держимся на ногтях".

Она нахмурилась, пытаясь выглядеть сердитой, но потерпела неудачу. Его мать могла бросить убийственный взгляд, когда хотела, но он мог сказать, что сердце у нее не на месте. Улыбка натянула уголок ее рта. "Я очень горжусь тобой, ты знаешь. И тобой, и Линдой".

Он пожал плечами, смущаясь, как всегда, когда разговор заходил о его предполагаемых достоинствах. Линда была настоящей умницей, она взяла пример с Вероники и умом, и внешностью. Макс не был глупым, и собаки не завывали от страха, когда он проходил мимо, но он знал, что в ближайшее время не попадет на обложку GQ. Он больше походил на своего деда по материнской линии, высокого и худого, с торчащим клювом носа, чем на свою привлекательную мать, которая все еще могла кружить голову, хотя ей было уже за сорок.

"Я собирался приготовить ужин", - сказал он. "Какие-нибудь пожелания?"

"Что-нибудь простое", - сразу же ответила она, качнувшись в одну сторону, чтобы положить ноги на диван и поставить бокал с вином на журнальный столик. Она опустила на черную кожаную обивку и закрыла глаза. "Я просто хочу попытаться найти способ оправиться от этой катастрофы. Мы вложили в этот проект пять лет. Мне неприятно думать, что мы спустили все эти деньги в крысиную нору".

"Я что-нибудь придумаю", - пообещал он. Он наклонился над диваном и поцеловал ее в щеку. "И я уверен, что ты что-нибудь придумаешь. Ты всегда это делаешь".

"Ах, как вкусно", - сказала она час спустя, откусывая тако. Они сидели за столом в столовой, за которым, поскольку Линда была в отъезде в штате Миннесота, сидели только они двое. "Это возвращает меня к моим белым корням. Тако в пятницу вечером. Все, что нам нужно, это оказаться в большом старом фермерском доме без кондиционера, а твой дедушка пьет Bud Light и слушает игру по радио".

"Бабушка и дедушка - не белая шваль", - запротестовал он, накладывая ложкой мясо, лук и острый соус в тако. "То, что ты выросла в маленьком городке, не означает, что наша семья - это кучка заскорузлых деревенщин, которые любят приставать к домашнему скоту".

"Правда?" - улыбнулась она, забыв о своем плохом настроении. Как и у его сестры Линды, ее настроение было переменчивым и могло измениться в мгновение ока. "Я не знаю. Твой двоюродный дедушка Элмер... в нем всегда было что-то не то, я думала".

"Не слушаю", - пробурчал он.

Ее ухмылка расширилась, а голубые глаза заискрились. Как и его сестра, его мать была откормленной кукурузой светловолосой красавицей со Среднего Запада. Она переделалась из рабочей одежды в джинсы, футболку и свободную толстовку, и единственное, по чему кто-то мог определить, что ей больше сорока, а не подросток, - это слабые "вороньи ноги", которые проглядывали из уголков ее глаз, когда она улыбалась. Иначе ее и Линду можно было бы принять за сестер. Вероника могла быть выше на несколько волос, а у Линды была более темная кожа - результат посещения солярия зимой, но у них обоих были одинаковые извилистые тела, которые делали их объектами внимания каждого мужчины.

Линда обожала погоню. Вероника делала вид, что ее больше не существует.

"А как насчет наркотика?" - спросил он, меняя тему. "Есть идеи?"

"Только одна", - сказала она. Она откусила кусочек салата. "Ментотал" работает, лишая нас способности лгать, как другим людям, так и самим себе. Что если мы будем использовать его как терапевтический препарат? Ну, знаете, для людей, у которых есть эмоциональные проблемы? Управление гневом, детские травмы, посттравматическое стрессовое расстройство и тому подобное?"

"Я разговаривал с некоторыми людьми в этой области. Одна из их самых трудных проблем - заставить пациентов открыться и быть честными с ними. И с самими собой. Это не всегда осознанно. Иногда мы лжем себе так долго, что это все, что мы знаем. Особенно это касается людей, подвергшихся насилию. И людей, которые участвовали в боевых действиях, например, и вернулись домой с посттравматическим стрессовым расстройством. Они так боятся, что если быть честными в своих проблемах, то они покажутся слабыми, что сказать правду о своих переживаниях почти невозможно".

Он кивнул. "Похоже, это действительно хорошая идея. Если ты сможешь провести ее через FDA".

"Да. В этом-то и проблема", - вздохнула она. "Нам придется начинать практически с нуля. Новый набор испытаний, новые документы, поданные в агентство, новые протоколы, все. Потребуется месяцы, чтобы просто запустить процесс. Костюмеры в зале заседаний могут решить, что мы выбрасываем хорошие деньги на ветер, и отменить весь проект".

"Жаль, что нельзя просто принять таблетку здесь, дома, и посмотреть, сработает ли она".

Она кивнула, сделав еще один глоток вина, затем моргнула и посмотрела на него. Ее взгляд внезапно стал пристальным. "Повторите это еще раз".

Макс вдруг понял, каково это - работать на Веронику Мелтон. Эта внезапная, лазерная сосредоточенность. "Я просто сказала, что жаль, что вы не можете принять одну из таблеток здесь и посмотреть, что произойдет. Что-то вроде пробного запуска, понимаете? Если бы это сработало, тогда вы могли бы двигаться дальше, возможно. А если нет, то, по крайней мере, ты не будешь терять время".

"Это хорошая идея. Чертовски хорошая." Она рассеянно откусила еще один кусочек тако, глядя вдаль, пока жевала. "Конечно, это не будет научно обоснованным", - добавила она тихо. Казалось, она разговаривала сама с собой. "Проба на одного человека? Хах. Я никак не могу использовать это в качестве основы для продвижения вперед. Ни один ответственный журнал даже не подумает о публикации моих результатов. Тем более, что дозировка собственного продукта нарушает столько этических правил, что я не хочу даже думать об этом. Но если бы у меня был... ловец, кто-то, кто наблюдал бы за мной, тогда я мог бы, по крайней мере, иметь какие-то данные для работы. А у меня в сумке есть тайник с таблетками". Ее взгляд вернулся к

настоящему. "Я никогда не принимала их. Но мне всегда было интересно. На что была бы похожа жизнь, если бы мы отбросили все наши маленькие иллюзии".

"Но это будет не сегодня." Она доела тако и отодвинула тарелку. "Почему ты вообще дома? Сегодня вечер пятницы. Разве ты не должен быть на улице?"

"Нет". Макс откинулся на стуле. "Мы с Гвен как бы остываем. Это ее выбор, правда. И мой. С тех пор как она решила, что поедет в Стэнфорд, а я останусь здесь и буду учиться в университете М, мы решили, что длительные отношения на расстоянии нам не подходят".

"Очень жаль", - сказала его мать. "Она хорошая девушка".

Макс решил не разрушать иллюзии матери о том, насколько "милой" была Гвен. Период охлаждения, к сожалению, также включал в себя охлаждение в их внеурочной деятельности. Гвен была высокой и белокурой блондинкой, чья ледяная нордическая красота скрывала молодую женщину, которая была абсолютной дикаркой в спальне. Но она решила (без его особого участия), что если они будут продолжать спать вместе, то это сделает их неизбежное расставание в августе еще более трудным.

Поэтому он проглотил свое разочарование и продолжил жить дальше. Но это было тяжело. И не только в последнее время. Он неловко переместился в кресле, когда его тело отреагировало на воспоминание о теле Гвен, лежащем в лучах зимнего солнца на его кровати в один из будних дней прошлого месяца, пока его мать была на работе. Внезапно он почувствовал благодарность за то, что его нижняя часть тела была скрыта от пронизывающего взгляда матери. Он знал, что она не обратит на это внимания. Ее юмор не был склонен к рискованному. Но знать, что она знает, было бы еще хуже.

Если бы это был фильм, я и трое моих друзей пошли бы сегодня на свидание. И по крайней мере двое из них переспали бы до утра.

Реальная жизнь кусается.

Позже тем же вечером Вероника вышла из душа.

Ночь прошла, как и многие предыдущие. Ей и Максу было комфортно друг с другом. Годы совместной жизни привели к тому, что они общались так, что некоторые из ее друзей им завидовали. И когда они говорили о трудностях, с которыми сталкивались со своими детьми-подростками, она могла только покачать головой. По сравнению с ними Макс и Линда казались почти неприлично воспитанными.

О, она не была настолько глупа, чтобы думать, что эти двое - ангелы, чистые, как снег на

голову. Но они также не барахтались в луже собственного самодовольства, обижаясь на всех и вся.

Как ее бывший муж.

Черт бы побрал этого человека.

Она поджала губы. Донни Уилсон не был плохим человеком. Но он был плохим мужем. Веронику приняли в Университет Миннесоты, когда ей было всего шестнадцать лет, она пропустила год в начальной школе, а затем закончила четыре года средней школы всего за три. Наивная и очарованная поверхностным обаянием Донни, она позволила себе забеременеть их первым ребенком, Линдой, когда ей было всего девятнадцать. Очарованная притягательностью жизни после колледжа, как с открытки, в которую ее заставляли верить, она позволила уговорить себя выйти замуж, хотя даже в тот момент подозревала, что не любит Донни по-настоящему.

Подозрения переросли в уверенность в течение следующих нескольких лет. У нее родился ребенок, Линда, а через два года еще один, которого они назвали Максвеллом, в честь любимого дяди Донни. Но когда она закончила колледж, затем аспирантуру и встала на первые ступеньки корпоративной лестницы, ей пришлось столкнуться с реальностью, что ее муж совершенно не годится для брака. Если не его неспособность продержаться на работе больше года, то его постоянные измены. Казалось, что Донни пытался компенсировать свои недостатки тем, что спал с как можно большим количеством женщин.

<http://erolate.com/book/2573/62329>